

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Моральные нормы, представления об этикете составляют важнейшую часть духовной культуры этноса, позволяют лучше понять психологию народа. Представления о добре и зле, о нравственном выборе, которые зачастую не регламентируются правовыми нормами, а только общественным мнением и совестью человека, во многом определяют духовный облик того или иного народа.

Самый большой и неоценимый вклад в изучение нравственной культуры башкирского народа внес выдающийся философ и культуролог Д.Ж. Валеев. В своей монографии «Нравственная культура башкирского народа. Прошлое и настоящее» этот видный исследователь духовной жизни башкир впервые ввел в этнопсихологию такое понятие как «этноэтикет», который он определял «как систему стереотипов сознания, в которых отражены традиционные стандарты поведения» [Валеев, 1989. С. 239].

Д.Ж. Валеев особо подчеркивал, что в этнопсихологическом облике башкир «важное место занимает понятие искренности, выражающее состояние открытости внутреннего мира человека, его доступности. О таком человеке говорят: «*ихлас*», «*алсақ*» (отзывчивый, искренний)» [Там же. С. 240]. Башкиры осуждали неискренность, двуличность, такого человека называли «двуликим» (*ике йөзлө*) [Там же. С. 241].

По мнению Д.Ж. Валеева, одной из основных категорий башкирского этикета «выражающей морально-психологическое кредо общения, выступает «*тыйнақлық*», который одновременно служит требованием к общению и мерилем его оценки». [Там же. С. 243]. Исследователь особо подчеркивает, что большинство морально-нравственных категорий у башкир имеет целый спектр значений, которые иногда достаточно затруднительно передать средствами другого языка. Так, например, понятие «*тыйнақлық*» весьма приблизительно можно передать по-русски как «скромность, сдержанность, продуманность поведения; это и опрятность, и тембр, и громкость голоса; это и поза человека; это и умение есть за столом, не привлекая внимания окружающих; это также презрение к роскоши и чванству, к приобретательству и вещизму и т.д. *Тыйнақлық* – это скромность в быту, в потреблении, умение довольствоваться малым, терпеливость, умение прощать ошибки и промахи человека» [Там же. С. 243]. Как видим, это понятие весьма емкое.

Не менее емкими и трудно поддающимися переводу на другие языки являются и такие понятия как «*моң*», «*моңло*» (приблизительно внутреннее состояние, вдохновение, гармония души), «*дәрт*» (задор, энергия, вера в свои силы, чувство собственного достоинства) и многие другие категории морально-нравственных оценок человека, его поведения и поступков [Там же. С. 241–243].

Традиционными для башкир и отмечаемые многими исследователями, являются обычаи гостеприимства, умение прийти на помощь человеку терпящему беду, щедрость, почтительное, уважительное отношение к старшим по возрасту, к

родителям. Вместе с тем, почитание возраста не возводилось в абсолюте – человека все же стремились оценивать не только по количеству прожитых им лет, но и по уму и морально-нравственным качествам, жизненному опыту, т.е. накопленной им житейской мудрости. На это указывает народная пословица: «*Күп йәшәгән ни белә, күпте күргән күп белә*» («Многое знает не тот, кто много пожил, а тот кто много видел») [Там же. С. 248].

Обостренное чувство справедливости, осуждение стяжательства, использования чужой нужды, беды для собственного обогащения, приобретения выгоды, всегда были характерны для башкир, что, несомненно, также является архетипом древнетюркских представлений о добре и зле. На это указывал еще Л.Н. Гумилев, который особо останавливается на описании эпизода, когда золотоордынский «хан Джанибек, узнав, что случившимся в причерноморских степях массовым падежом скота воспользовались генуэзцы, чтобы по дешевке покупать у татар детей для работоторговли, возмутился и двинул войско на Кафу. Ему было просто непонятно, как можно использовать беду соседа для легкого обогащения. С его точки зрения это было очень дурно». У генуэзцев же, по мнению крупнейшего исследователя этнической психологии тюркских этносов; «была иная этика. Они считали, что главное в жизни – выгода, что монголы и тюрки почти не люди, а объект для коммерческих операций. По сути это была психология зарождавшегося капитализма» [Гумилев, 2002. С. 606].

Л. Н. Гумилев также отмечает присущее и тюркам, и монголам неприятие вероломства, несоблюдения договоров, неверность прежде данному слову.

По нашему мнению, именно искреннее возмущение башкир нарушением со стороны царских властей прежних договоренностей и являлось причиной большинства восстаний XVII–XVIII веков.

Безусловно, именно такое, присущее башкирам как представителям тюркского мира, обостренное представление о справедливости не всегда играло для них положительную роль. Именно невозможность зачастую преодолеть впитанные с молоком матери морально-нравственные нормы, мешала (да и сейчас порой мешает) башкирам «успешно» адаптироваться к жестоким условиям надвигающегося капиталистического мира.

К сожалению, сейчас в условиях глобализации мы не можем не отметить характерную для определенной части башкирского народа (как, впрочем, и для других народов России, не исключая и сам русский народ) девальвацию, утрату извечно присущих традиционных морально-нравственных категорий и ориентиров. Как правильно отмечают авторитетный философ и социолог Ф.С. Файзуллин и его коллеги: «Гиперболизация индивидуальных потребностей и пристрастий не могла не привести к социальному эгоизму, притуплению чувства ответственности перед окружающими. В результате этого наблюдаются девальвация и потеря смысла многих духовных ценностей, со всей очевидностью проявляются нравственные и социальные деформации. Эти тенденции затронули и этнические духовные ценности, а без их сохранения невозможно здоровое развитие народов» [Файзуллин и др., 2009. С. 3].

Источники и литература:

1. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1989. 256 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2002. 839 с.
3. Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгужин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. Уфа: Гилем, 2009. 249 с.